

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-7-11>

УДК 316

Attribution

cc by

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Передерий В.А.¹, Плотников В.В.², Стригуненко И.К.³

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина²,
Краснодарский университет МВД России^{1,3}

Аннотация. В статье рассматривается влияние, укорененных в культуре моделей времени, на процесс социализации личности. Проводится теоретический анализ зарубежных исследований, посвященных восприятию и использованию времени в различных культурах, а также механизмам усвоения временных норм в ходе социализации. Показано, что представления о времени (монокроничное и полихроничное, «часовое» и «событийное», линейное и циклическое) задают культурные временные рамки, которые люди усваивают через семейные ритуалы, обучение и институциональные расписания. Эти временные нормы формируют в личности такие черты, как ответственность и самодисциплина, и влияют на ценности (планирование будущего или ориентирование на настоящее). Разрабатывается интегративная модель, связывающая культурно-исторические предписания времени и процессы передачи временных представлений в социуме.

Ключевые слова: время, социальная модель времени, социализация, культура, личность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

SOCIOCULTURAL MODELS OF TIME AS A FACTOR OF PERSONALITY SOCIALIZATION

Veronika A. Perederiy¹, Valery V. Plotnikov², Ivan K. Strigunenko³

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin²,
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia^{1,3}

Abstract. The article examines the influence of culturally rooted time models on the process of personality socialization. A theoretical analysis of foreign studies devoted to the perception and use of time in various cultures, as well as the mechanisms of assimilation of time norms in the course of socialization is carried out. It is shown that ideas about time (monochronic and polychronic, “hourly” and “eventful”, linear and cyclical) set cultural time frames that people learn through family rituals, training and institutional schedules. These time norms form such personality traits as responsibility and self-discipline and influence values (planning for the future or focusing on the present). An integrative model is developed that links cultural and historical prescriptions of time and the processes of transmitting time ideas in society.

Key words: time, social model of time, socialization, culture, personality.

Funding: Independent work.

Введение.

Время в социологическом и психологическом понимании – это не только объективная физическая категория, но и социальный конструкт, формируемый в культурном контексте и отражающий общественные установки и ценности.

Время, само по себе – социальная конструкция, результат взаимодействия людей и процессов социализации.

Действительно, различные общества обладают собственными культурными моделями времени – например, четко регламентированное линейное время в западных обществах или более гибкое событийное время в ряде тропических и традиционных культур. Эти модели определяют, в какое время запускаются определенные ритуалы, какое значение придают планированию будущего или соблюдению расписаний.

Так, Э. Холл выдвинул различие между монокроничностью (последовательное выполнение задач) и полихроничностью (параллельное выполнение нескольких задач), различающие, например, культуру США и культуру Латинской Америки.

Подобные временные ориентации оказывают глубокое влияние на образ жизни и идентичность людей, задавая «ритмы» общественного процесса и определяя границы «своих» и «чужих» в социальной группе.

В то же время, роль этих социокультурных моделей времени в процессе социализации личности остается мало изученной.

Кэттан указывает на «пробелы в исследовании времени и общества»: большинство работ по социологии и антропологии времени не фокусировались на том, как дети усваивают практики учета времени

[2], а классические концепции социализации практически не рассматривают время как усваиваемое знание.

Процесс социализации личности включает внутреннее усвоение норм и ценностей общества, и представления о времени, безусловно, являются одной из таких норм. Поэтому целью данной статьи является анализ теоретических подходов к тому, как социокультурные модели времени влияют на становление личности – какие временные представления и ценности передаются в ходе социализации, и какие последствия это имеет для поведения индивида.

Методологически исследование основано на синтезе академических публикаций в области социальной антропологии, социологии и психологии, посвященных культурным представлениям времени и семейной/школьной социализации.

Материалы и методы. Данная работа носит теоретико-аналитический характер и представляет собой обзор литературы. В качестве источников использованы статьи и монографии зарубежных авторов, анализирующих культурные аспекты восприятия времени и его социализации. Основные методы – концептуальный анализ и синтез существующих теорий.

Мы рассмотрели публикации, касающиеся и описания культурно обусловленных моделей времени (как, например, работы Холла, Левина, Зерубаеля и др.), и исследований социализации, в которых упоминается время (например, работы по языковой социализации, семейным ритуалам, образовательным расписаниям).

Отдельно проанализированы эмпирические и теоретические материалы, освещающие влияние временных норм на формирование черт личности и социальных ценностей.

Результаты описательного анализа литературы сгруппированы по темам:

- 1) определение и классификация социокультурных моделей времени;
- 2) механизмы передачи временных представлений в ходе социализации;
- 3) влияние усвоенных временных норм на личностные качества и социальные роли.

Обсуждение.

Разные культуры имеют собственные временные парадигмы, которые устанавливают рамки организации повседневной жизни. Характерная особенность любой парадигмы, вне зависимости от ее вида – это ее тотальность и скрытость. Она относится к базовому слою реальности и не может быть полностью осознана без выхода за ее пределы. Возможность исследования временной парадигмы опирается на достижения в области теории и методологии анализа парадигмы как таковой (Т. Кун), на накопленные культурологические знания, позволяющие проводить сравнительный анализ различных культур, в аспекте отражения и организации повседневной реальности, на накопленные исторические знания, позволяющие делать выводы относительно ускорения социальных и экономических про-

цессов. Благодаря этому, становится возможной концептуализация времени, превращение его в самостоятельный объект исследования [7].

Особенностью времени, как созданной человеком (культурой) модели упорядочивания действительности, является то, что оно опосредует субъективную и объективную реальность. С одной стороны, время связано с переживанием длительности на уровне сознания, а с другой стороны, время неразрывно связано с физическими процессами и событиями. Способность к планированию и организации времени – это особенность человека, как разумного существа.

Социальная модель времени выступает как, своего рода, надстройка над первичными структурами времени, которые обнаруживаются на уровне сознания и физической реальности. На уровне формирования социальной модели времени уже есть некоторая вариативность, позволяющая.

Таким образом, можно говорить о различных видах времени, с точки зрения социокультурного способа упорядочивания действительности, для разных культур в различные эпохи.

Одно важное различие существует между «часовым» и «событийным» временем. В культурах, ориентированных на часовое время (как правило, современная западная индустриальная традиция), ход времени измеряется объективными единицами: часы диктуют начало и конец активностей. В культурах событийного времени расписание подчиняется естественным или социальным ритмам: события начинаются и заканчиваются «когда придет время» по обстоятельствам или взаимному согласию участников [1]. В первом случае точное соблюдение расписания и пунктуальность считаются нормой, во втором – большую роль играют гибкость и ощущение времени. Например, как описывается в психологическом учебнике, в одних культурах локальный срок собрания начинается строго по звону колокола, тогда как в других – «время ждать» может растянуться, пока участники не будут готовы начать.

В рамках часового времени возникает понятие «монокроничность»: последовательное выполнение задач, четкие приоритеты, логичное разделение задач, и стремление «сохранить» или «рационально потратить» время.

В полихроничных культурах (преимущественно коллективистских) люди склонны одновременно заниматься несколькими делами, переключаться между решением задач на ходу, уделять больше внимания взаимодействию с людьми, нежели точному графику. Эти модели времени отражают иерархию ценностей: например, в полихроничных обществах (Латинская Америка, Африка, Ближний Восток) часто важнее сохранить динамику группового общения, чем строгое соответствие договоренному времени встречи [2]. Впрочем, и внутри одной страны могут сосуществовать разные стили: некоторые профессии требуют точного расписания (финансисты, врачи), а в творческих сферах поощряется спонтанность.

Кроме того, важно различать линейное (линейно-временное) и циклическое видение времени. Во многих традиционных культурах распространено понимание времени как повторения ритмов природы (сезонные циклы, праздники, обряды). В современном индустриальном сознании преобладает линейная модель, где время представляется как неуклонно движущаяся «стрелка» к будущему [8]. Эти различия влияют на социокультурные нормы, связанные с возрастом, жизненным циклом и долгосрочными планами.

Временные модели культуры передаются новым поколениям, главным образом, через семью, образование и общественные институты.

Исследования показывают, что уже в раннем детстве через повседневные ритуалы дети учатся «читать» время и соблюдать распорядок [4]. В семейном контексте элементарной единицей усвоения становится ежедневное расписание (время пробуждения, приема пищи, игр и сна). Родители, в том числе через язык, сообщают ребенку, «который сейчас час», и ожидают, что ребенок начнет или закончит активность по сигналу времени.

Кэттан описывает, как в ходе обычных семейных взаимодействий возникают так называемые предложения о переходе (activity-transition-point-proposals), сообщающие, что «время переходить к следующему занятию» [2]. Такие сигналы (например, «ужин через пять минут» или «пора ложиться спать») приучают ребенка к представлению о том, что деятельность ограничена по времени и вписана в последовательность событий.

Через подобные практики дети усваивают несколько ключевых аспектов:

- 1) умение ориентироваться по часам – научиться отслеживать длительность активностей и определять время с помощью часов;
- 2) представления о порядке и структуре времени – например, что после игры идет обед, а после ужина – сон;
- 3) социальные нормы поведения во времени – например, послушание родительским распоряжениям об окончании игры в установленное время [2].

Таким образом, по мере роста ребенка от воспитывающих ожидается не только подчинение требованиям взрослого, но и согласование своего «времени» с групповыми ритмами. Важным примером является определение будних и выходных дней: по словам Кэттана, границы недели, обозначенные учебой или работой в будни и свободой в выходные, становятся для ребенка частью его социальной принадлежности.

Школьное и профессиональное обучение усиливают это влияние: учебное расписание, домашние задания, экзамены – все это приучает молодежь к аккуратному планированию и к тому, что временем необходимо управлять стратегически. Так, антрополог Э. Зерувабель отмечал, что календари и расписания в современном обществе превращаются в стандартизированный регулятор, «принудительный» даже к тем, кто не хотел бы следовать жесткому графику [5]. Семьи в

целом вынуждены подстраиваться под социально закрепленное время: например, школьный график диктует родителям, когда водить ребенка в школу, а работа – когда ложиться спать и когда вставать.

Исследования семейных ритмов показывают, что «темпоральности образования и профессиональной деятельности формируют социо-временные рамки», налагающие на всех членов семьи необходимость построения согласованного календаря и готовности к будущему [4]. При этом уровень адаптации к таким требованиям зависит от социального контекста и пола: женщины традиционно играют ключевую роль в организации семейного времени и передаче детям этих временных навыков.

Важным фактором является межпоколенческая преемственность: старшие передают молодым культурно значимые «временные истины». К примеру, рассказы старшего поколения об «доиндустриальном» ритме жизни могут формировать у молодежи уважение к более медленной жизненной скорости (ностальгия по «дедовскому» времени), тогда как родители из глобализованного города приучают детей к ускоренному темпу современной жизни [1]. Это показывает, что культурная модель времени меняется по историческим эпохам и наследует черты предыдущих поколений, одновременно предлагая новое видение будущего.

Социально-психологический аспект состоит в том, что развитие личности и её социализация предполагает последовательное прохождение основных жизненных этапов и кризисов. Существует ряд психологических концепций, описывающих «возраст» и кризисы (Фрейд, Юнг, Эриксон, Выготский, Петровский и другие), при том, что они дополняют друг друга, временные рамки кризисов и возрастов не всегда совпадают. Возраст определяется не только биологическими, но и социальными и культурными факторами.

Из этого следует, что применение возрастной модели развития личности и социализации должно учитывать общий социальный и культурный контекст восприятия времени.

Усвоение временных норм оказывает существенное влияние на формирование индивидуальных характеристик личности.

Во-первых, деление времени на структурированные единицы способствует развитию ответственности и самодисциплины: человек, приученный отвечать за выполненные задания в отведенный срок, чаще проявляет организованность. Кэттан подчеркивает, что социализация «учета времени» неизбежно связана с обучением другим социальным нормам – например, честности и ответственности [2]. Так, ребенок, у которого регулярно просят «по окончании игры честно сказать, сколько времени прошло», одновременно учится правдиво отчитываться о своих действиях. Расписания и дедлайны формируют представление о том, что время – это ресурс, который нельзя тратить зря.

Во-вторых, временная ориентация (фокус на прошлом, настоящем или будущем) определяется культурной средой и влияет на ценностные установки.

В культурах с длинным временным горизонтом (например, где ценятся будущие результаты) у людей формируются черты трудолюбия и дальновидности, они склонны откладывать удовлетворение в пользу будущей выгоды. В культурах, акцентированных на настоящем или циклическом времени, может преобладать ценность моментальной радости и социального взаимодействия в настоящем моменте. Этот сдвиг отображается в мировых опросах, где жители некоторых стран демонстрируют более оптимистичное отношение к будущему, в то время как другие предпочитают сиюминутные удовольствия.

В-третьих, культурные представления о времени задают социальные роли и идентичность. Знание расписания и участие в коллективных временных ритуалах закрепляет принадлежность к группе: как писал Зеруабель, «календарь и график являются маркерами идентичности; они отделяют «наших» от «чужих»» [5]. Например, праздники (Новый год, религиозные дни) сигнализируют о коллективной истории и передаются детям как часть культурной памяти.

Таким образом, усвоение «культурного времени» не только обучает ребенка считаться с часами и днями недели, но и встраивает его в социальную ткань группы с ее ритуалами и ожиданиями.

Наконец, усвоенные временные нормы влияют на динамику жизни личности: человек привыкает к определенной «скорости» жизни, что может отражаться на стрессоустойчивости, ритме работы и досуга. К примеру, исследования темпа жизни различных стран показывают, что жители быстрого ритма («монохронных» западных стран) чаще ощущают нехватку времени и стрессы, в то время как в более медленных культурах субъективное ощущение времени отличается [1].

Переход к цифровой эпохе (смартфоны, интернет) также меняет модель времени – время стало более фрагментированным и управляемым технологиями, что добавляет новый пласт в социокультурную модель времени современного общества.

Результаты.

Проанализированные теоретические подходы позволяют сделать вывод о том, что социокультурная модель времени является значимым контекстуальным фактором социализации личности. Время выступает не просто фоном жизни, а активным регулятором социальных практик: оно определяет ритм общения в семье, структуру образовательного процесса, форму трудовой активности и даже оформление статусов в обществе (возрастные рубежи, жизненные этапы).

Усвоение временных норм в раннем возрасте становится частью «хронотопа» личности, то есть интеграцией ценностей и ролевых ожиданий, связанных с временем.

Результаты нашего анализа показывают, что семья и школа играют ключевую роль в социализации временных моделей: через постоянные распорядки и правила дети учатся понимать требования общества во времени. При этом культурные различия (в том числе

региональные или национальные) обуславливают вариативность этих требований – например, в одних обществах подростка с детства приучают к жесткому соблюдению расписания и ответственности за свои планы, а в других на первое место ставят гибкость и взаимную помощь. Это отражается и на стратегии социализации личности: модели, где доминирует будущее время, скорее будут культивировать планирование, долгосрочное мышление и терпение; где ценится настоящее – выработка коммуникативности и умения импровизировать. При этом время выступает, своего рода, «социальным кодом», который культурно детерминирован. Изменения в этой модели (например, из-за глобализации или технологического прогресса) способны влиять на всю систему социализации.

Глобализация приводит к тому, что монохронные и полихронные подходы сталкиваются и иногда смешиваются (например, жесткие рабочие часы соседствуют с мобильностью удаленной работы). Цифровые технологии сделали «наблюдение за временем» непрерывным и повсеместным, что меняет традиционные роли родителей: ребенок уже с дошкольного возраста осваивает гаджеты и учится пользоваться расписаниями из приложений. Это может смягчить поколенческие различия, но также создает новые формы «социализации по времени», когда нормы задают не только люди, но алгоритмы и устройства.

Наш обзор литературы, по большей части, основывается на качественных и концептуальных исследованиях; количественных эмпирических данных о прямом влиянии временных моделей на конкретные личностные характеристики мало. Это ограничивает возможность делать строго доказательные выводы о том, насколько сильно тот или иной культурный режим времени «закодирован» в личности. Однако концептуальные выводы однозначно указывают на то, что время – это не нейтральный фон, а активный социальный фактор.

Перспективы дальнейших исследований включают межкультурные сравнения (например, как подростки в различных культурах воспринимают долгосрочные планы), продольные исследования (как меняются отношения к времени в течение жизни), а также изучение «смешанных» моделей времени в мультикультурной среде (например, мигранты с разными временными традициями).

Как отмечают современные исследователи, «восприятие последовательности – одно из базовых свойств нашего сознания, на котором и основана возможность связывания двух события между собой. Полученные эксперименты доказывают, что восприятие последовательности имеет полностью нейрофизиологический механизм. Последовательность задает контекст нашего восприятия, являясь необходимым элементом восприятия окружающего мира.

Ритм, длительность, одновременность и последовательность являются фундаментальными аспектами нашего восприятия, редуцируемыми к нейрофизиологическим свойствам мозга» [6]. При этом «даже

если восприятие времени не более, чем иллюзия, именно эта иллюзия как тип ментального состояния является необходимым условием существования человеческого сознания» [6].

Заключение.

Таким образом, социализацию личности невозможно полно рассматривать вне временной плоскости. Установки относительно времени формируют у человека важные черты характера и поведения: планирование, дисциплина, ценность труда, уважение традиций или гибкость и креативность – все это частично

предопределяется тем, какую модель времени индивид впитал с детства. Признание этого факта имеет практическое значение: педагогам и воспитателям следует учитывать культурно-исторический фон ученика, включая его временную ориентацию, при организации образовательного процесса.

Аналогично, в межкультурной коммуникации стоит быть осведомленным о разных «культурах времени» для успешного взаимодействия и формирования социально-гуманистической среды.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Hachet B. *Working with Time in Contemporary Families. Enfances, Familles, Générations*. 2018. No.29. P.72–81 (перевод на англ.: *Working with time in contemporary families*).
2. Kattan S. *Time and Identity: Socializing Schedules and the Implications for Community. Issues in Applied Linguistics*. 2008. Vol.16, no.1. P.3–30.
3. Keating J. *Why Time Is a Social Construct. Smithsonian Magazine*. 2013, Jan. 21.
4. Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. *Social reality in the perspective of temporalism: In search of methodology. RUDN Journal of Sociology*. 2023. Vol.23, no.1. P.112–121.
5. Zerubavel E. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. University of California Press, 1981.
6. Зайкова А. С. Фундаментальные свойства восприятия времени // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2016. №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-svoystva-vospriyatiya-vremeni-1> (дата обращения: 17.06.2025).
7. Плотников, В. В. Концептуальный анализ как методологическое основание "философии процесса" / В. В. Плотников // *Философия и наука в условиях глобальных изменений : Сборник научных статей, посвященный 55-летию со дня образования кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета, Краснодар, 17–18 декабря 2018 года / Под общей ред. М.И. Даниловой. – Краснодар: Новация, 2018. – С. 40-53.*
8. Плотников, В. В. Онтология времени как фактор межкультурной коммуникации / В. В. Плотников // *Современные СМИ как отражение аксиологических ориентиров общества : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 24–25 мая 2018 года / Отв. ред. О.Е. Павловская. – Краснодар: Общество с ограниченной ответственностью "Издательский Дом - Юг", 2018. – С. 280-284.*

References:

1. Hachet B. *Working with Time in Contemporary Families. Enfances, Familles, Generations*. 2018. No.29. P.72–81 (translation into English: *Working with time in contemporary families*).
2. Kattan S. *Time and Identity: Socializing Schedules and the Implications for Community. Issues in Applied Linguistics*. 2008. Vol.16, no.1. P.3–30.
3. Keating J. *Why Time Is a Social Construct. Smithsonian Magazine*. 2013, Jan. 21.
4. Yarskaya-Smirnova V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. *Social reality in the perspective of temporalism: In search of methodology. RUDN Journal of Sociology*. 2023. Vol.23, no.1. P.112–121.
5. Zerubavel E. *Hidden Rhythms: Schedules and Calendars in Social Life*. University of California Press, 1981.
6. Zaykova A. S. *Fundamental Properties of Time Perception // Vestn. Tomsk. state University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2016. No. 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-svoystva-vospriyatiya-vremeni-1> (date of access: 17.06.2025).
7. Plotnikov, V. V. *Conceptual analysis as a methodological basis for the "philosophy of the process" / V. V. Plotnikov // Philosophy and science in the context of global changes: Collection of scientific articles dedicated to the 55th anniversary of the formation of the Department of Philosophy of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, December 17-18, 2018 / Under the general editorship of M. I. Danilova. - Krasnodar: Novation, 2018. - P. 40-53.*
8. Plotnikov, V. V. *Ontology of time as a factor in intercultural communication / V. V. Plotnikov // Modern media as a reflection of the axiological guidelines of society: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, May 24-25, 2018 / Ed. O. E. Pavlovskaya. – Krasnodar: Limited Liability Company "Publishing House - Yug", 2018. – P. 280-284.*

Информация об авторах:

Передерий Вероника Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России, milena.555@mail.ru

Плотников Валерий Валерьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, milena.55@mail.ru

Стригуненко Иван Константинович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России, milena@mail.ru

Veronika A. Perederiy, candidate of sociological sciences, associate professor, professor of the department of social and humanitarian disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Valery V. Plotnikov, candidate of philosophical sciences, associate professor of the department of philosophy of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Ivan K. Strigunenko, candidate of sociological sciences, associate professor, associate professor of the department of social and humanitarian disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.06.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.